
Вивьен Роуз
Некоторые тайны лучше не искать
ДЕВУШКА, КОТОРАЯ ПОМНИТ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Вивьен Роуз

Девушка, которая помнит

«Автор»
2026

Роуз В.

Девушка, которая помнит / В. Роуз — «Автор», 2026

Эвелин Морроу всегда считала, что прошлое можно оставить позади.
Но однажды на её телефон приходит фотография заброшенной клиники «Святой Агнессы» – места, которое кажется ей пугающе знакомым.Следом появляется сообщение: «Ты помнишь, кем была до того, как тебя назвали Эвелин?»Вскоре девушка оказывается в поместье Морвейн, среди мрачных коридоров, семейных тайн и чёрных роз. Его хозяин, Адриан Вейл, знает о ней слишком много. Он помнит её детство, знает её страхи и, кажется, давно ждал этой встречи.Для него она – ключ к прошлому. Для неё он – человек, от которого нужно бежать.Но что, если единственный, кто способен рассказать ей правду, сам является частью её кошмара?Некоторые воспоминания лучше не возвращать. Некоторые чувства опаснее ненависти. А некоторые тайны способны уничтожить даже тех, кто их раскроет.

© Роуз В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 24
Глава 5 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Вивьен Роуз
Девушка, которая помнит

Глава 1

«Самое
страшное в потере памяти – не забыть, кем ты была. Самое страшное – однажды
узнать, что человеком, которым ты себя помнишь, ты никогда не являлась».
Из дневника неизвестной пациентки клиники "Святой Агнессы".

Я никогда не верила в знаки.

Не в чёрных кошек, перебегающих дорогу, не в разбитые зеркала и уж тем более не в странные совпадения, которые люди так любят принимать за предупреждения судьбы. Судьба, на мой взгляд, была удобным словом для тех, кто не любил искать причины.

У всего есть объяснение. Даже если оно неприятное. Даже если для его поиска приходится перелопатить сотни старых документов, испортить несколько вечеров и выслушать десяток чужих теорий, каждая из которых звучит убедительнее фактов.

Именно поэтому я любила свою работу.

Архивы не лгали. Люди – да. Документы можно было подделать, фотографии – изменить, свидетельства – купить, но даже самая искусная ложь оставляла следы. Достаточно было знать, где искать. А я умела искать. Тихо, долго, без лишнего шума. Историк-архивист – звучало скучно для большинства моих знакомых и почти утешительно для меня. В бумагах никто не ждал улыбки. Никто не спрашивал, почему я живу одна и почему редко поднимаю трубку после десяти.

В тот вечер я искала дату смерти давно забытого владельца одного из поместий на севере Вальдории. Дело не было срочным. Заказчик хотел генеалогию «для семейного архива», что обычно означало: красивую легенду, если правда окажется слишком серой. Я всё равно начала с правды. Так было спокойнее.

За окном моросил дождь. Капли медленно стекали по стеклу, дробя тусклый свет настольной лампы на кривые золотистые нити. На экране ноутбука светилась очередная таблица: имена, годы, пометки карандашом на полях сканов. Рядом остывала чашка кофе, которую я собиралась выпить ещё час назад. Комната пахла бумагой, мокрой шерстью пальто на спинке стула и чем-то металлическим – старой батареей, которая всегда чуть подтекала в ноябре.

Я потёрла переносицу и посмотрела на часы.

23:17.

– Великолепно, Эвелин, – пробормотала я. – Ещё немного, и можно будет официально переезжать в архив.

Собственный голос прозвучал чужеродно в тишине. Я привыкла к этому: квартира была слишком большой для одного человека и слишком тихой для того, кто проводит дни среди чужих жизней. Соседи сверху иногда ходили до полуночи. Сегодня не ходили. Только дождь и редкий шорох шин где-то внизу, на мокрой улице.

Телефон завибрировал.

Я даже не сразу обратила на него внимание. В последнее время мне редко кто писал в столь поздний час. Моя социальная жизнь состояла преимущественно из рабочих переписок, редких сообщений от Сары – единственной подруги, которая ещё пыталась вытащить меня в

кафе по выходным, – и уведомлений о доставке. Иногда управляющая компания. Иногда банк. Никогда – неизвестные в половине двенадцатого.

Но экран загорелся снова. Неизвестный отправитель. Одно сообщение. Без имени. Без номера, который я могла бы сохранить.

Я открыла его. Внутри находилась фотография.

Сначала я решила, что это какой-то старый снимок заброшенного здания, случайно попавший не туда. Чёрно-белое изображение было испещрено царапинами, края пожелтели от времени, будто снимок долго держали пальцами. На фотографии виднелось массивное сооружение с высокими окнами, узкими башнями и длинным фасадом. Камень казался тяжёлым даже на плоском экране. Перед зданием – пустая площадка, размытая, как будто кто-то слишком резко дышал на стекло объектива.

Я приблизила изображение. Над главным входом едва различалась надпись «КЛИНИКА СВЯТОЙ АГНЕССЫ». Я нахмурилась. Название показалось знакомым.

Не так, как бывает, когда узнаёшь место из книги или документального фильма. Скорее, будто кто-то произнёс слово, которое ты слышала много лет назад, но совершенно не помнишь при каких обстоятельствах. Слово легло на язык тяжело, как камень, который нельзя ни проглотить, ни выплюнуть.

Я увеличила фотографию ещё сильнее. На втором этаже, за одним из окон, виднелся силуэт. Человеческая фигура. Слишком размытая, чтобы разобрать лицо, но достаточно отчётливая, чтобы понять: кто-то стоял за стеклом. Не проходил мимо. Стоял. Руки, кажется, были опущены. Голова чуть наклонена. Словно он – или она – смотрел не в камеру, а сквозь неё. Я перевернула телефон, словно могла найти на обратной стороне снимка дату или подпись.

Глупо. Это была цифровая фотография. Под ней появилось ещё одно сообщение.

«Ты помнишь это место?»

Я несколько секунд смотрела на экран.

Затем усмехнулась. Коротко, почти раздражённо.

– Очень смешно.

Но ответа не последовало.

Дождь усилился. Капля ударилась о карниз так громко, что я вздрогнула – и тут же разозлилась на себя за это. Я написала:

«Кто это?»

Сообщение было доставлено, но собеседник не ответил. Серые галочки. Никакого «печатает». Никакого имени.

Я открыла сведения о номере. Никакого имени, фотографии профиля или другой информации. Номер не определялся. Даже оператор выглядел как набор цифр, который система отказывалась признавать.

Проверив изображение через поиск, я получила несколько результатов, но ни один не совпадал с фотографией полностью. Клиника действительно существовала. Согласно открытым источникам, она была построена в конце прошлого века и располагалась в северной части страны, далеко от столицы, среди холмов, которые на старых картах ещё называли иначе. Закрылась двенадцать лет назад. Причина – пожар.

Я пробежалась глазами по короткой заметке. Текст был сухой, как больничный отчёт, из которого вырезали всё живое.

«В результате возгорания пострадала значительная часть здания. Несколько человек погибли, судьба ряда пациентов осталась неизвестной. Расследование завершено. Объект признан непригодным для эксплуатации».

Ниже была ссылка на архивную публикацию. Я открыла её. Потом ещё одну. И ещё.

Чем больше я читала, тем сильнее меня раздражало отсутствие подробностей. Имена погибших не указывались. Количество пациентов в разных источниках отличалось: то сорок,

то шестьдесят два, то «не установлено». Некоторые публикации исчезли с сайтов, а ссылки на документы вели на пустые страницы. Одна газета обещала «продолжение в следующем номере» – следующего номера в электронной версии не было. Другая ссылалась на заявление министерства, которого тоже не существовало.

Для исторического исследования это было настоящим кошмаром.

Для обычного человека – вероятно, поводом закрыть вкладку и лечь спать.

Я собиралась сделать именно это. Даже потянулась к чашке, чтобы наконец выпить остывший кофе и признать вечер проигранным, когда заметила ещё одну деталь.

На фотографии здания, опубликованной в старой газете, была та же самая клиника. Только снимок был сделан с другого ракурса: чуть слева, при дневном свете, без царапин. Двор пуст. Никакой фигуры в окне. Никакой девочки у входа.

Я вернулась к сообщению. Снова открыла фотографию. И почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось. На снимке, который мне прислали, возле главного входа стояла маленькая девочка.

Её не было видно сразу. Она пряталась в тени колонны, почти сливаясь с камнем. Лицо было скрыто, но одежда различалась отчётливо: светлое платье с узким воротником и тёмная лента на запястье. Не праздничная. Скорее форменная. Такая, какую носят там, где детей считают не детьми, а номерами в журнале.

Я не знала, почему смотрю на неё так долго. Не знала, почему мне вдруг стало холодно, хотя батарея по-прежнему тихо шипела. А потом заметила собственную руку. Пальцы сжимали край стола настолько сильно, что побелели костяшки. Я заставила себя разжать их. На дереве остались бледные полукружья от ногтей.

– Успокойся, - сказала себе в слух.

Слова прозвучали слишком тихо. Не как приказ. Как просьба, которую никто не обязан был услышать.

Я ещё раз приблизила изображение.

Девочка стояла боком к камере. Волосы были собраны в две косы, а голова чуть наклонена, будто она смотрела на кого-то за пределами кадра. Не на фотографа. На кого-то справа, там, где снимок обрывался жёлтым краем.

На её левом запястье, под тёмной лентой, виднелось пятно. И мой взгляд упал на собственную руку.

На внутренней стороне моего левого запястья находился небольшой шрам. Тонкая белая полоска, которую я получила в детстве. По крайней мере, так мне всегда говорили приёмные родители. «Упала с велосипеда». «Задела стекло». Версии менялись в зависимости от года и от того, кто именно отвечал. Отец обычно отмахивался. Мать смотрела чуть дольше, чем следовало, и меняла тему.

Я не помнила, откуда он взялся. И никогда особенно не интересовалась. Шрамы бывают у всех. Жизнь оставляет пометки. Я предпочитала чужие пометки в архивах своим.

Телефон снова завибрировал. Я едва не выронила его. Новое сообщение.

«Не позволяй им снова назвать тебя Эвелин».

На этот раз я не стала усмехаться. Прочитала сообщение раз. Потом второй. И третий. Моё имя.

Эвелин Морроу.

Я никогда не скрывала его. Оно было указано в документах, дипломе, рабочих переписках и на визитных карточках. Любой человек, который захотел бы узнать обо мне немного больше, мог найти его за несколько минут. Даже фотографию с конференции, где я стою слишком прямо и слишком серьёзно для двадцати четырёх.

Но почему-то эта фраза заставила меня почувствовать себя так, словно кто-то только что произнёс моё имя на чужом языке. Правильно. И всё же неправильно. Как ключ, который входит в замок, но открывает не ту дверь.

Не позволяй им снова назвать тебя Эвелин.

Снова.

Я набрала ответ.

«Как меня зовут?»

Палец замер над кнопкой отправки.

Я не понимала, зачем задала этот вопрос. Наверное, потому что хотела проверить, насколько далеко незнакомец готов зайти в своей игре. Наверное, потому что в комнате вдруг стало слишком тихо, и любой ответ – даже глупый – был лучше этой тишины.

Сообщение отправилось.

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Ты действительно не помнишь?»

Я почувствовала раздражение. Горячее, спасительное, знакомое.

– Да что за нахрен происходит?

В этот момент погас свет.

Комната погрузилась в темноту так резко, будто кто-то закрыл ладонью мир. Экран ноутбука моргнул и умер. Остался только телефон: бледное пятно в темноте, и на нём – чужой вопрос.

Я замерла, прислушиваясь к тишине. За окном продолжал идти дождь. Где-то в глубине квартиры щёлкнул выключатель холодильника, а затем всё снова стихло. Ни шагов сверху. Ни голосов за стеной. Даже батарея перестала шипеть, словно и она решила подождать.

– Прекрасно, просто великопно.

Я включила фонарик на телефоне и поднялась из-за стола. Свет выхватил край скатерти, стопку папок, мою тень на стене – слишком длинную, слишком худую. Электричество в доме иногда отключалось из-за старой проводки. Управляющая компания обещала решить проблему ещё весной, но, судя по всему, обещания были единственным, что работало без перебоев.

Я дошла до коридора и остановилась. Входная дверь была закрыта. Замок заперт. Цепочка на месте. Я сама ставила её вечером, как всегда, машинально, ещё до того, как села за работу.

Но на полу лежал конверт.

Я точно помнила, что несколько минут назад его там не было. Коридор был пуст, когда я в последний раз проходила к кухне за водой. Пуст и скучен: обувница, зеркало, крючок с зонтом, который я так и не повесила ровно.

Белый, плотный, без обратного адреса. На лицевой стороне аккуратным почерком было выведено моё имя.

Эвелин Морроу.

Почерк был ровный, почти школьный, без лишних завитков. Такой, каким пишут люди, которых учили не оставлять себя в буквах.

Я присела и подняла его. Бумага оказалась холодной и слегка влажной, будто конверт держали на улице, под дождём, и только потом просунули в щель. Но щели под дверью почти не было. Я проверяла это зимой, когда дуло. На сгибе виднелся едва заметный след тёмно-красного цвета. Я провела по нему пальцем. Краска. По крайней мере, я надеялась, что краска. Она не пахла. Или пахла так слабо, что дождь и пыль перебивали всё.

Внутри находилась одна фотография. Та самая клиника. Только теперь снимок был сделан изнутри здания. Комната была белой до тошноты. Высокие окна, решётки на стёклах, узкая кровать у стены. В центре стояли две девочки. Одна смотрела прямо в объектив – слишком

прямо, без детского любопытства, с той пустотой, которую взрослые называют «хорошим поведением». Вторая отвернулась, прижимая к груди какую-то игрушку. Заяц. Или медведь. Ткань была светлой, одно ухо перевязано той же тёмной лентой.

Я узнала её сразу. Не потому, что помнила лицо. Потому что узнала платье. Светлое, с узким воротником. И тёмную ленту на запястье. Воздух в коридоре показался тоньше. Я слышала собственное дыхание и ненавидела, как оно сбилось. Я перевернула фотографию. На обратной стороне было написано всего два слова.

«Здравствуй, Эвелин».

Я долго смотрела на почерк. Он казался знакомым. Слишком знакомым. Не как чужой. Как свой, увиденный в зеркале после долгой болезни: узнаёшь линии и не узнаёшь человека. А затем из глубины моей памяти поднялся тихий, почти забытый голос. Женский. Усталый. Он произносил эти слова совсем иначе. Не на бумаге. Рядом. Слишком близко к уху, слишком мягко для места, где пахнет лекарством.

«Здравствуй, маленькая…»

Я резко закрыла глаза. В висках возникла тупая боль, будто кто-то нажал пальцем изнутри. На мгновение мне показалось, что я стою в длинном белом коридоре. Пол холодный. Стены слишком гладкие. Пахнет антисептиком и чем-то сладковатым, неприятным – как переспелые цветы в закрытой комнате. Где-то за стеной плачет ребёнок. Не громко. Надрывно, будто давно понял, что его всё равно не услышат.

А рядом кто-то шепчет:

– Не смотри на него. Что бы ни случилось, не смотри ему в глаза.

Я распахнула глаза. Коридор моей квартиры был пуст. Фонарик телефона освещал только белые стены, обувницу и старое зеркало напротив входной двери. Ни белого больничного света. Ни детского плача. Только дождь и мой пульс в горле. Я посмотрела на своё отражение. Растрёпанные тёмные волосы. Бледное лицо. Серо-зелёные глаза, в которых сейчас отражался только свет экрана. Тонкая цепочка на шее, которую я почти никогда не снимала. Обычная футболка. Обычный страх, который я ещё могла назвать усталостью.

– Обычная девушка. Двадцать четыре года. Историк-архивист. Эвелин Морроу.

Я повторила это про себя несколько раз, словно боялась забыть. Имя. Возраст. Работа. Адрес. Всё, что можно было проверить в паспорте. Всё, что должно было держать меня здесь, в этой квартире, в этом теле, в этой ночи.

Затем вернулась в комнату. Свет всё ещё не горел. Я включила ноутбук от батареи и открыла новое письмо – себе, в рабочую почту, чтобы не потерять мысли. Номера. Скриншоты. Ссылки, которые вели в никуда. Описание конверта. Время. 23:17. Потом – сообщения. Потом – темнота. Я не собиралась ложиться спать, пока не выясню, кто отправил мне фотографии. Но прежде, чем я успела начать поиск, на экране появилось новое уведомление.

Неизвестный отправитель. На этот раз сообщение не было таким коротким, как прошлые.

«Они уже знают, что ты получила фотографию. Не ходи в полицию. И, ради всего святого, не ищи Святую Агнессу».

Я перечитала его.

Слово «они» легло рядом с моим именем так же тяжело, как название клиники. Не «я». Не «мы». Они. Кто-то, кто смотрит дальше, чем один неизвестный номер в телефоне. Кто-то, кто знает, что конверт уже у меня в руках. Потом я посмотрела на фотографию. На девочку в светлом платье. На своё отражение в тёмном окне – бледное, чужое, с мокрыми бликами дождя вместо черт. И впервые за долгое время мне захотелось не найти ответ. Мне захотелось забыть вопрос. Но было уже поздно. Потому что в самом низу фотографии, почти скрытая повреждениями старой бумаги, обнаружилась ещё одна надпись. Мелкая. Выцветшая. Такая, которую легко принять за царапину, если не привык читать следы.

Имя.

Не моё нынешнее. То, которым меня, судя по всему, называли раньше.

Элена.

Я провела пальцем по буквам, хотя чернил уже почти не было. Бумага шершавая. Холодная. Как конверт на полу. За окном всё ещё шёл дождь. В квартире всё ещё не было света. А на запястье, там, где белел старый шрам, кожа вдруг стала горячей – будто кто-то невидимый снова завязал на нём тёмную ленту.

Глава 2

«Они
всегда говорят, что прошлое нужно отпустить. Но никто не предупреждает, что
иногда прошлое само приходит за тобой».
Из дневника неизвестной пациентки клиники "Святой Агнессы".

Я не спала. Каждый раз, когда веки смыкались, комната складывалась в ту же самую фотографию: две маленькие девочки посреди чужого пространства. Одна смотрела прямо в объектив. Другая прятала лицо так, будто уже тогда знала цену взгляда. И имя.

Элена.

Я повторяла его про себя до тех пор, пока к рассвету оно не стало пустым набором звуков – как слово, которое слишком долго держат на языке и которое вдруг перестаёт значить что бы то ни было.

За окном Вальдория ещё не проснулась. Фонари горели желтоватым, нерешительным светом. Где-то внизу проехал мусоровоз, и металлический скрежет на секунду показался мне чужим голосом. В пять я сдалась. Включила ноутбук. Экран ударил по глазам белизной поисковой строки. За ночь я успела перебрать архивные каталоги, старые газетные полосы, реестры медицинских учреждений. Результат не менялся. Клиника Святой Агнессы существовала. Двенадцать лет назад там случился пожар. После этого учреждение закрыли. Никаких подробностей. Никаких списков пациентов. Никаких девочек. Словно кто-то аккуратно вырезал из города целый кусок памяти и зашил края так, чтобы шов не бросался в глаза.

Я открыла фотографию, полученную накануне, и увеличила её до предела. Две фигуры. Светлые стены. Старая мебель с потёртыми ножками. И в углу – часы. Я прищурилась. Стрелки стояли на без четверти три. Почему-то именно эта деталь зацепилась во мне, как заноза. Не лица. Не платье. Не комната. Часы. Словно время на снимке было важнее людей. Я сохранила изображение и открыла новый документ. Клиника «Святой Агнессы». Закрыта после пожара. Двенадцать лет назад. Имя Элена. Связь с фотографией. Неизвестный отправитель. Предупреждение: не обращаться в полицию. Последнюю строку я перечитала дважды и усмехнулась – коротко, зло. Именно с этого момента благоразумному человеку следовало остановиться. Я никогда не отличалась благоразумием, когда вопрос оставался без ответа. Телефон лежал рядом с ноутбуком, чёрный и тихий. За ночь не пришло ни одного сообщения. Я открыла переписку и набрала:

«Если вы хотите, чтобы я что-то поняла, объясните, кто такая Элена».

Несколько секунд смотрела на текст, будто он мог ожить сам. Потом отправила. Ответа не было. К семи я почти убедила себя, что всё это – жестокая шутка. Кто-то получил доступ к моим данным, нашёл старые снимки и решил развлечься. Неприятно. Объяснимо. Человечно в самом худшем смысле слова. По крайней мере, я очень хотела в это верить. Работа всегда спасала меня лучше любых успокоительных. Архив занимал старое административное здание в центре: три этажа, высокие потолки, скрипучие лестницы и вечный запах бумаги, который я любила больше дорогих духов. Здесь прошлое не пряталось. Оно лежало на полках, пронумерованное, каталогизированное, покорное. Я пришла раньше обычного. В читальном зале почти никого не было. Пожилой сотрудник за стойкой листал журнал. У дальнего окна девушка разбирала папки, и свет падал ей на руки так, что пальцы казались прозрачными. Я сняла пальто, поставила сумку на стол, включила компьютер. Экран засветился привычным рабочим столом. На секунду мир снова стал обыкновенным.

– Эвелин?

Я обернулась.

Ко мне шла Марта – коллега лет пятидесяти с привычкой замечать абсолютно всё: чужие опоздания, чужие слёды на рукаве, чужие недосказанности.

– Ты выглядишь ужасно.

– Доброе утро и тебе, – с улыбкой ответила ей я.

– Ты вообще спала?

– Ну…Немного.

Она посмотрела на меня поверх очков.

– У тебя под глазами такие круги, будто ты всю ночь разговаривала с призраками.

Я снова невольно улыбнулась.

– Почти угадала.

– Что-то случилось?

Я хотела рассказать. Правда хотела. Слова уже стояли на языке: фотография, Элена, предупреждение, часы без четверти три. Но стоило вспомнить фразу про полицию, как внутри поднималось липкое ощущение, будто стены умеют слушать.

– Просто неудачный вечер.

Марта не стала настаивать. В этом тоже была её сила: она умела отступать вовремя.

– Тогда хотя бы выпей кофе. И не вздумай снова пропускать обед.

Она поставила рядом бумажный стаканчик. Крышка была чуть смята, будто Марта несла его слишком быстро. Потом она ушла, оставив запах жареных зёрен и дешёвого картона.

Я открыла рабочую папку. Сосредоточиться не получалось. Строки отчётов расплывались. Вместо инвентарных номеров всплывало имя.

Элена.

Элена.

Элена.

Около полудня я не выдержала и открыла ещё один архивный каталог. Ввела название клиники. Первые ссылки оказались пустышками: дубликаты, битые страницы, чужие опечатки. Потом появилась одна запись. «Святая Агнесса». Внутренний реестр. Доступ ограничен. Я нажала. Страница загрузилась – и вместо документа высветилась ошибка. Серый прямоугольник. Короткий код. Никаких пояснений. Я попробовала ещё раз. То же самое.

– Да вы издеваетесь…

– Что-то не получается?

Я вздрогнула так резко, что стул скрипнул.

Марта стояла за плечом. Слишком близко. Слишком тихо подошла.

– Старый архив. Не открывается нужная запись.

– Какой архив?

Я замешкалась на долю секунды дольше, чем следовало.

– Медицинский. Ищу кое-что для личного исследования.

Она наклонилась к экрану.

– «Святая Агнесса»?

Я закрыла вкладку резче, чем хотела.

– Ты знаешь это место?

Марта нахмурилась. Морщинка между бровей стала глубже.

– Слышала когда-то. Кажется, там был пожар.

– Да. Двенадцать лет назад.

– Эвелин. – Она посмотрела внимательнее, уже без шутки. – А зачем тебе эта клиника?

– Любопытство, – я пожала плечами.

– Странное у тебя любопытство, – она не выглядела убежденной в моих словах.

– У меня вообще много странностей.

Она улыбнулась – и почти сразу снова стала серьёзной, словно улыбка была лишь вежливостью перед предупреждением.

– Только не лезь туда, куда тебя не зовут.

– Почему ты это говоришь? – я подняла глаза на женщину.

– Не знаю. Просто вспомнила одну историю. После пожара вокруг этой клиники было много разговоров. Потом всё как-то затихло. Словно кому-то очень хотелось, чтобы о ней забыли.

После этого Марта сразу ушла.

Я осталась наедине с пустой страницей и чувством, что неизвестный отправитель предупреждал меня не из театральности. Из знания.

После обеда совпадения посыпались одно за другим, мелкие, почти смешные – и оттого хуже. В столовой на соседнем столе лежала газета. Заголовок на внутренней полосе: «Двенадцать лет спустя: что осталось от старых больниц Вальдории». Я не стала читать. Достаточно было цифры. В гардеробе на полу валялся чей-то белый бант – детский, атласный, совсем не к этому зданию. Я подняла его и отдала вахтёрше. Та пожала плечами: «Наверное, экскурсия школьников». Экскурсии в архиве не было.

А в четыре часа на рабочий адрес пришло письмо без темы. В теле – одна строка:

«Без четверти три – не время. Это метка».

Отправитель значился как системное уведомление архива. Я проверила журнал входящих. Письма не было. Только моя память о нём и холод в пальцах. Я удалила корзину. Перезагрузила почту. Ничего. Марта перед уходом заглянула ещё раз.

– Ты точно в порядке?

– Да, – это была ложь, и мы обе это поняли. Но женщина не стала лезть туда, куда не просят, коротко кивнула и, вскоре, ушла домой

Сама же я возвращалась пешком. Дождь уже кончился, но город оставался серым и промозглым. Люди прятали лица в шарфы, перебегали дорогу на жёлтый. Воздух пах мокрым камнем и выхлопом. Я шла, уткнувшись в телефон. Новых сообщений не было. Моё утреннее «кто такая Элена» так и висело непрочитанным – или прочитанным тем, кто умеет не оставлять следов. Я уже почти свернула на свою улицу, когда заметила мужчину.

Он стоял у небольшого кафе, прислонившись к стене. Тёмное пальто. Короткие волосы. Руки в карманах. Лицо обычное до тревожной стёртости: такое забываешь, едва отвернувшись. Ничего необычного. Я прошла мимо. Через несколько минут остановилась у витрины книжного. В стекле отражались корешки, мой собственный силуэт – и мужчина на противоположной стороне улицы.

Он не двигался.

Я пошла дальше. На перекрёстке свернула направо, хотя всегда ходила налево. Прошла мимо цветочного, пересекла маленькую площадь, остановилась у автобусной остановки, будто ждала маршрута, которым никогда не пользовалась. Он появился снова. Ближе. Холод пробежал вдоль позвоночника – не зимний, внутренний. Совпадение. Просто совпадение. Я достала телефон и сделала вид, что пишу. В тёмном экране увидела, как он достаёт собственный. Я резко подняла голову. Он смотрел прямо на меня. Наши взгляды встретились. Он не отвернулся. Я отвела глаза первой – и возненавидела себя за это. Подошёл автобус. Я вошла, села у окна, только тогда позволила себе обернуться. Он остался на остановке. Когда автобус тронулся, мужчина продолжал смотреть мне вслед. Не как случайный прохожий. Как человек, который отмечает факт: объект переместился. Квартира встретила меня тишиной.

Я закрыла дверь, повернула ключ дважды и постояла в прихожей, прислушиваясь. Ничего. Только отопление и далёкий гул машин. Сняла пальто. Поставила сумку. Прошла на кухню. Хотелось душа, горячего чая, хотя бы часа без имени Элена.

Сначала – сообщения. Телефон молчал. Последнее моё «объясните» оставалось без ответа. Я заблокировала экран. И тогда заметила. Дверца шкафа в коридоре была приоткрыта. Совсем чуть-чуть. На ширину ладони. Утром я закрывала её. Всегда закрывала: одна петля заедала, и незакрытая дверца потом скрипела по ночам, как чужой шаг. Я подошла ближе. Внутри всё выглядело как обычно. Пальто. Обувь. Коробка со старыми бумагами. Ничего не пропало. Именно это и было хуже пропажи. Кто-то смотрел и клал вещи обратно. Я закрыла дверцу. Прошла в комнату. Окно закрыто. Шторы ровные. Воздух тот же. На письменном столе лежала старая записная книжка. Та, что я хранила в нижнем ящике, под папками, которые никто не открывал.

Я медленно подошла. Книжка была раскрыта. На странице с адресами и телефонами – новая надпись. Чёрные чернила. Чужой, ровный почерк.

«Не всё, что ты помнишь, действительно происходило».

Пальцы похолодели. Ниже – дата. Двенадцать лет назад. И ещё строка:

«Ты обещала её не оставлять».

Я отступила. Кто-то был в моей квартире. Кто-то знал, где я прячу личное. Это уже была не слежка с улицы. Это было изучение. Я схватила телефон, набрала номер полиции. Палец завис над вызовом. В голове снова всплыло: «Не ходи в полицию». Я ненавидела это чувство. Ненавидела, что незнакомец заставляет сомневаться в самом очевидном. Я нажала вызов. Прежде чем поднести трубку к уху, экран погас. Аккумулятор был полным. Я сама ставила на зарядку ночью, после бессонницы, как якорь нормальности. Кнопка включения. Ничего. Ещё раз. Телефон мёртвый.

– Да что происходит?

Я бросилась к ноутбуку. Он был выключен. Кнопка питания не дала даже щелчка вентилятора. Чёрный экран смотрел на меня, как закрытый глаз. На полу у стола лежала фотография. Та самая. Две девочки. Клиника. Я подняла снимок. Кто-то обвёл одну фигуру красным карандашом. Девочку в светлом платье.

Рядом: *«Она ждёт тебя».*

Я не помню, как добралась до двери. Помню пальто, ключи, сумку и одну мысль: уйти. Сейчас. Открыла входную. На площадке никого. Внизу, у выхода из подъезда, стоял человек. Тёмная одежда. Неподвижность. Он поднял голову, словно почувствовал мой взгляд сквозь этажи. Я захлопнула дверь. Сердце било так, что дыхание рвалось. Спиной к стене. Глаза закрыты. Думать. Дышать. Не кричать. Телефон ожил сам. Экран загорелся без зарядки, без моего касания. Одно новое сообщение. Неизвестный отправитель.

«У тебя осталось меньше часа. Не заставляй его приходить за тобой».

23:11.

Следом ещё одно.

«Эвелин, на этот раз он не будет ждать».

На этот раз. Значит, это уже было. Кто такой «он»? Почему меня называют так, будто знают всю жизнь целиком, включая ту её часть, которую я сама не помню? Почему каждый, кто предупреждает, говорит загадками, как люди, связанные клятвой? Я решила не ждать. Сумка. Ключи. Дверь. Площадка пуста. Спуск. Холодный воздух в лицо. Мокрый асфальт. Редкие фонари. Тёмные окна. Несколько шагов. И автомобиль. Чёрный внедорожник у противоположного тротуара. Двигатель работал ровно, почти беззвучно. Фары выключены. За тонировкой – ничего.

Внутри всё кричало: беги. Я развернулась, сделала шаг назад. В этот момент открылась задняя дверь. Из салона вышел мужчина. Высокий. Тёмное пальто. Он не спешил. Стоял у машины так, будто уже знал: я никуда не денусь. Город вокруг него словно сузился до этого тротуара.

– Эвелин Морроу?

Я не ответила.

– Нам нужно поговорить.

– Кто вы? – спросила я, а нутро все холодело от страха.

Он посмотрел на меня. Лицо казалось незнакомым. Голос – нет. Голос я уже слышала. Во сне. Или в воспоминании, которое я годами принимала за выдумку.

– Прошу вас. Не усложняйте.

Я сделала ещё шаг назад.

Он открыл дверь шире. И тогда я поняла: внутри кто-то есть. Человек на заднем сиденье. Скрыт темнотой салона. Лица не разобрать. Но глаза – да. Светлые. Почти бесцветные. Он смотрел прямо на меня. И я знала с той странной, безошибочной ясностью, какая бывает только у страха: именно его я боялась всё это время. Не клинику. Не имя. Не пустую запись в архиве. Его.

– Садитесь, Эвелин, – произнёс незнакомец из машины. Голос был тише уличного шума и почему-то ближе.

– Нет, – я покачала головой в знак отрицания

Несколько секунд тишины. Потом, почти мягко:

– Тогда мне придётся попросить вас ещё раз.

И я тут же сорвалась на бег. Не помню направления. Не помню, сколько метров успела отнять у подъезда. Помню резкий звук шагов, чужую руку на запястье, свой крик, который город проглотил, как глотает всё лишнее.

Мир качнулся. Последнее, что я увидела, прежде чем темнота сложила меня внутрь себя, – светло-серые глаза за открытой дверью чёрного автомобиля. И странное, почти детское ощущение: я уже смотрела в них когда-то. Очень давно.

Когда ещё не знала, что такое страх.

Глава 3

«Некоторые дома строят не для того, чтобы в них жили. Их возводят, чтобы прятать то, о чём нельзя говорить».
Из дневника неизвестной пациентки клиники "Святой Агнессы".

Первое, что я почувствовала, – боль.

Тупую, настойчивую, пульсирующую где-то в затылке. Она словно пыталась пробраться внутрь черепа и вытолкнуть оттуда все мысли, которые ещё оставались у меня.

Вторым пришёл запах.

Древесина. Пыль. Что-то терпкое, напоминающее старые книги и высушенные цветы. Запах был густым, как воздух в комнате, которую долго не проветривали, хотя сама комната казалась слишком чистой для забвения.

Я медленно открыла глаза. Потолок был незнакомым. Высокий, украшенный лепниной, с массивной люстрой, отбрасывающей на стены тусклые золотистые блики. Я лежала на огромной кровати с тёмным изголовьем. Рядом стояли две прикроватные тумбы, старинный комод и кресло с высокой спинкой. На комоде – пустая ваза из тёмного стекла. Ни одной личной вещи. Ни одной случайности. Ни одного предмета, который принадлежал бы мне.

Я резко села. Голова отозвалась такой болью, что перед глазами на мгновение потемнело. Комната качнулась, потом снова встала на место – слишком твёрдая, слишком настоящая.

– Чёрт…– Я прижала ладонь ко лбу и попыталась вспомнить, что произошло.

Автомобиль. Чёрный внедорожник возле моего дома. Человек, стоявший рядом с открытой дверью. Не кричал. Не хватал. Просто стоял так, будто дверь держали специально для меня. Я помнила, как собиралась пройти мимо. Помнила, как услышала своё имя. Как обернулась. А потом…

Пустота.

Не сон. Не провал от удара. Именно пустота: как вырезанный кадр, после которого сразу – этот потолок. Я посмотрела на себя. Одежда была прежней: джинсы, тёмный свитер, носки. Обуви не было. Телефон исчез. Сумка тоже. Карманы пусты. Даже резинка для волос, которую я обычно носила на запястье, пропала. На коже обнаружилась тонкая красная полоса, будто кто-то слишком крепко сжал мою руку. Не синяк ещё. След пальцев, который вот-вот станет синяком.

Я спустила ноги с кровати. Пол оказался холодным. Я огляделась.

Комната была просторной, почти неприлично роскошной. Тяжёлые шторы закрывали окна, на стенах висели картины в массивных рамах. На одной изображался зимний лес, на другой – женщина с бледным лицом и совершенно бесцветными глазами.

Она смотрела прямо на меня.

Мне это не понравилось. Казалось, взгляд следует, даже если отойти в сторону.

Я поднялась и подошла к окну.

Шторы поддались не сразу – ткань была тяжёлой, почти церемониальной. За ними обнаружилось высокое окно с толстым стеклом. Я попыталась открыть его, но створки даже не шелохнулись. Ни щели. Ни сквозняка. Стекло глухое, как аквариум.

Снаружи простирался сад.

Огромный, ухоженный, окружённый каменной оградой. Между голыми деревьями тянулись дорожки, вдоль которых росли кусты с тёмными, почти чёрными цветами.

Розы. Я присмотрелась.

Даже издалека они выглядели странно. Их лепестки были настолько тёмными, что казались бархатными пятнами на фоне серой земли. Ни одного яркого пятна. Ни одной случайной жёлтой листвы. Сад выглядел не живым, а выдержанным в одной гамме – как интерьер, вынесенный на воздух.

За садом возвышался лес. И больше ничего. Ни соседних домов, ни дороги, ни столбов, ни даже дыма. Ни признаков человеческого присутствия, кроме этой аккуратной клетки из камня и кустов.

Я отступила от окна.

– Где я?

Ответом стала тишина. Не пустая – плотная. Такая, в которой слышно собственное дыхание и кажется, что дом слушает вместе с тобой.

Я направилась к двери и потянула за ручку.

Заперто.

Ну, конечно. Куда же без этого.

Я дёрнула ещё раз, сильнее. Дерево даже не скрипнуло.

– Эй! – крикнула я. – Есть кто-нибудь?!

Никто не ответил.

Я ударила ладонью по двери. Боль вспыхнула в запястье, но я ударила снова.

– Я знаю, что вы меня слышите! Немедленно откройте!

За дверью послышались шаги. Медленные. Неторопливые. Словно человеку за дверью некуда спешить и некого бояться. Я отступила на несколько шагов. Щёлкнул замок. Дверь открылась без скрипа.

На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, одетый в безупречно сидящий чёрный костюм. Его длинные волосы были собраны у основания шеи, хотя несколько прядей свободно падали на плечи. Он не запыхался. Не выглядел человеком, которого только что вызвали криком.

Но больше всего меня поразили глаза. Светло-серые. Почти бесцветные. Он смотрел на меня без малейшего удивления, словно моё появление в этой комнате было давно запланировано. Словно крик за дверью тоже входил в распорядок.

– Доброе утро, мисс Морроу, – голос ровный, вежливый, чуть сухой. Как у человека, который привык произносить чужие имена правильно с первого раза.

Я несколько секунд молчала. Горло было сухим.

– Где я?

– В Морвейне.

Он сказал это так, будто назвал улицу, которую все и так знают.

– Это что, название дома?

– Совершенно верно.

– Тогда, может быть, вы объясните, какого чёрта я здесь делаю?

Мужчина чуть склонил голову. Жест был почти учтивым.

– Вы задаёте слишком много вопросов для человека, который только что пришёл в себя.

– А вы слишком спокойно разговариваете с человеком, которого похитили.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

– Похитили – довольно грубое определение.

– Предложите более подходящее.

– Пока не вижу необходимости.

Я стиснула зубы. Боль в затылке вспыхнула ярче.

– Кто вы?

– Леонард Крейн. Управляющий этим домом.

Он произнёс это так, будто назвал должность в обычной гостинице. Ни извинения. Ни угрозы. Просто факт, который должен меня устроить.

– Мне нужно уйти.

– Боюсь, это невозможно.

– Вы не имеете права меня удерживать.

– Возможно.

Его спокойствие начинало действовать мне на нервы сильнее, чем любые угрозы. Угрозу хотя бы можно понять. Это – нет.

– Тогда позовите полицию.

Леонард посмотрел на меня с едва заметным выражением усталости – не злости, именно усталости, как на гостью, которая просит то, чего в этом доме давно не существует.

– Полиция не приедет, мисс Морроу.

– Почему?

– Потому что вы находитесь на частной территории.

– И что?

– И потому что никто не знает, где вы.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело. Он произнёс это совершенно буднично. Без угрозы, без злорадства. Просто сообщил факт – так сообщают, что на улице дождь.

– Кто вас нанял?

Леонард не ответил. Молчание было не растерянным. Выбранным.

– Я хочу поговорить с человеком, который здесь главный.

– Разумеется.

Он отступил в сторону, освобождая проход. Жест приглашающий и вместе с тем окончательный: выбирать, идти или нет, мне уже не давали – только иллюзию выбора.

Я посмотрела на открытую дверь, затем на него. Это было слишком просто. Но оставаться в комнате я тоже не собиралась. Закрытая дверь хотя бы честна. Открытая – хуже.

Коридор оказался длиннее, чем я предполагала. Пол был выложен тёмным деревом, стены украшали портреты людей, чьи лица казались подозрительно похожими друг на друга. На каждом изображении присутствовала одна и та же холодная надменность, словно художник годами пытался запечатлеть не внешность, а фамильную черту. Одинаковый разрез глаз. Одинаковый наклон головы. Одинаковая уверенность, что смотрят не на тебя – сквозь тебя.

Леонард шёл впереди, не оборачиваясь. Шаги его почти не слышно. Мои – слишком громко.

Я старалась запоминать повороты.

Сначала лестница вниз. Широкая, с резными перилами, холодными под ладонью. Затем длинная галерея. Справа – несколько закрытых дверей, все одинаковые, без табличек. Слева – окна, выходящие во внутренний двор, где тоже росли чёрные розы, только ближе, и от этого казались ещё менее живыми.

Если представится возможность сбежать, эти детали могут пригодиться. Я повторяла их про себя, как маршрут: лестница, галерея, двор, ограда, лес. Лес пугал меньше, чем дом.

– Вы давно работаете здесь? – спросила я.

– Достаточно.

– Очень содержательно.

– Я стараюсь не утомлять гостей лишними подробностями.

– Тогда у вас, вероятно, нечасто бывают гости.

Он ничего не ответил. Только чуть замедлил шаг у одной из дверей – едва заметно, – и снова пошёл ровно. Я запомнила и это.

Мы остановились перед массивными двустворчатыми дверями. Дерево тёмное, почти чёрное. Ручки – холодный металл. Леонард постучал дважды. Коротко. Без спешки. Из-за двери донёсся мужской голос:

– Войдите.

У меня неожиданно пересохло во рту. Голос был спокойный. Не громкий. Такой, от которого тишина в коридоре показалась ещё гуще. Леонард открыл дверь.

– Мисс Морроу.

Я вошла.

Кабинет был огромным. Книжные шкафы занимали почти все стены, в камине потрескивали поленья – ровно, без лишнего жара. На большом письменном столе лежали бумаги, рядом стоял хрустальный стакан с водой. Ни беспорядка. Ни случайной ручки. Даже огонь выглядел дисциплинированным.

За столом сидел мужчина.

Сначала я увидела его руки. Длинные пальцы, спокойным движением перелистывающие страницы какого-то документа. Движение было медленным, почти ласковым к бумаге – и совершенно равнодушным ко мне. Затем я подняла взгляд. Он был молод. Или, по крайней мере, выглядел моложе, чем я ожидала увидеть человека, способного распоряжаться чужими жизнями. Чёрные волосы свободно спадали ниже плеч. Лицо бледное, с резкими чертами. От нижней губы к подбородку тянулся заметный шрам – единственная вещь в этой комнате, которая выглядела непреднамеренной. Но глаза… Те самые светло-серые глаза. Как у женщины на картине. Как у Леонарда – и всё же другие. Пустые не от бесчувствия. Пустые, как закрытая дверь. Он отложил документ. Не торопясь. Словно закончил абзац.

– Эвелин.

Моё имя прозвучало в его устах странно. Не как приветствие. Как подтверждение того, что он наконец получил то, чего ждал. Как галочка на полях.

– Вы кто? – спросила я.

Мужчина поднялся. Он оказался гораздо выше, чем казался сидя. Почти на голову выше меня. Костюм тёмный, простой, без показной роскоши. Он не улыбнулся. Не протянул руку.

– Адриан Вейл.

Он произнёс свою фамилию так, будто она должна была мне что-то сказать. Когда не сказала, он не поправил ожидание. Просто принял молчание как ещё один ответ.

– Вы меня похитили?

– Да.

Я ожидала чего угодно. Отрицания. Уклончивого ответа. Попытки убедить меня, что всё это недоразумение, охрана ошиблась, я сама приехала, мне станет лучше, если я сяду. Но не такого спокойного признания. Словно речь шла о погоде.

– Вы хотя бы понимаете, что совершили преступление?

– Прекрасно понимаю.

Ни тени смущения. Ни интереса к моему возмущению. Он говорил так, будто закон – ещё одна вещь, которую можно оставить за оградой вместе с дорогой.

– Тогда отпустите меня.

Адриан несколько секунд смотрел на меня. Не оценивая. Не угрожая. Просто смотрел – достаточно долго, чтобы тишина стала частью ответа.

Затем обошёл стол и остановился у камина. Огонь отсвечивал на шраме, но лицо оставалось неподвижным.

– Нет. – Одно короткое слово. Без объяснений. Без колебаний.

Я почувствовала, как к горлу подступает злость – горячая, живая, единственное, что в этой комнате принадлежало мне.

– Вы не можете просто запереть человека в своём доме.

– Как видите, могу.

– Вы больной.

– Вполне возможно.

Он даже не попытался возразить. Слово «возможно» прозвучало вежливее любого оскорбления: он допускал мою оценку и оставлял её при мне, как ненужную вещь. Я сжала руки в кулаки.

– Что вам от меня нужно?

Адриан повернулся ко мне. Впервые за всё время на его лице появилось что-то похожее на интерес. Не тепло. Не жалость. Внимание – точное, холодное, как к документу, в котором наконец нашлась нужная строка.

– Хороший вопрос.

Он подошёл к столу, взял тонкую папку и положил её перед собой. Не открыл сразу. Дал мне увидеть, что папка уже ждала.

– Вы знаете, почему оказались здесь?

– Нет.

– Знаете ли вы, такое место, как клиника «Святой Агнессы»?

Я почувствовала, как сердце пропустило удар. Имя ударило сильнее, чем закрытая дверь. Я не успела спрятать лицо. Его взгляд даже не изменился.

– По вашему лицу вижу, что знаете.

– Я нашла информацию о ней в интернете.

– И что вы узнали?

– Что она закрылась после пожара двенадцать лет назад.

– Только лишь это?

Голос всё тот же. Вежливый. Почти мягкий. От этой мягкости становилось хуже.

– А что ещё я должна знать? – я фыркнула, будто это не я была заложнецей.

Адриан открыл папку. Я заметила фотографию. Старая, пожелтевшая, с неровными краями. На ней были изображены две маленькие девочки. Я узнала одну из них. Светлое платье. Тёмная лента на запястье. Та самая девочка из фотографии, которую мне прислали. Та, от которой у меня до сих пор оставался холод в пальцах. Вторая стояла чуть ближе к камере. Лицо размыто светом, но рука – та же маленькая ладонь, которая почему-то казалась знакомой до боли.

– Откуда у вас это? – спросила я.

– Из моего семейного архива.

– Кто эти дети?

Он не ответил сразу.

Вместо этого достал из папки ещё один лист и положил рядом. Движение аккуратное, почти заботливое – к бумаге, не ко мне. Там было напечатано несколько строк. Я успела заметить свою фамилию. Морроу. А ниже – имя, которого я не знала. Элена.

Я отступила на шаг. Пол под ногами вдруг показался слишком гладким.

– Что это?

– Вопрос, который я хотел бы задать вам.

– Я не знаю никакой Элены.

Адриан посмотрел на меня так, словно именно такого ответа и ожидал. Не разочарование. Не победа. Подтверждение гипотезы.

– Вы уверены?

– Да.

– Тогда почему вы так побледнели?

Я не нашлась с ответом.

Потому что сама не знала.

Мне хотелось вырвать у него папку, заставить объяснить каждую строчку, каждую фотографию. Но вместо этого я стояла посреди чужого кабинета и чувствовала себя маленькой девочкой, которую вызвали к директору за проступок, о котором она даже не помнила. Адриан закрыл папку. Щелчок картона прозвучал громче камина.

– Вам предоставят всё необходимое. Одежду, еду, средства личной гигиены. В доме есть библиотека, оранжерея и зимний сад. Вы можете пользоваться ими в установленное время. – Он перечислял это как правила гостиницы. Вежливо. Исчерпывающе. И тем страшнее.

– А выйти за ворота?

– Нет.

– Позвонить родителям?

– Нет.

– Связаться с кем-нибудь?

– Нет.

Я невольно усмехнулась. Смех вышел тонкий, невесёлый.

– И что, вы собираетесь держать меня здесь до конца жизни?

– Пока не получу ответы.

– Какие, мать твою, ответы?!

Он медленно подошёл ближе. Не вторгаясь в пространство так, чтобы коснуться. Достаточно близко, чтобы я почувствовала: тишина вокруг него гуще, чем в остальном доме.

– Что произошло в ночь пожара, Эвелин?

Я посмотрела на него.

Впервые за весь разговор его голос изменился. Совсем немного. Но этого хватило, чтобы я заметила. Под спокойствием скрывалось что-то другое. Злость. Старая, выношенная годами злость, которая давно перестала нуждаться в громких словах. Она жила в паузе между слогами, в том, как он произнёс «ночь», будто это было не время суток, а приговор.

– Я не была там, – сказала я.

Адриан остановился.

– Ну, разумеется. – Это прозвучало вежливо. Почти согласно. И ни капли веры.

– Я не знаю, о чём вы говорите.

– А это мы ещё выясним.

Он отвернулся к окну.

Разговор был окончен.

Я поняла это по тому, как он снова стал рассматривать лежащие на столе документы, словно меня больше не существовало. Не демонстративно. Просто я перестала быть нужной строкой – до следующего раза.

Леонард появился в дверях почти бесшумно.

– Проводи мисс Морроу в её комнату.

– Подождите, – произнесла я.

Адриан не поднял головы.

– Я ещё не закончила.

– А я закончил, – ответил он. Тихо. Без повышения голоса. От этого хотелось кричать сильнее.

– Вы не можете…

– Эвелин.

Я замолчала. Не потому, что имя прозвучало громко. Потому что прозвучало точно. Он наконец посмотрел на меня.

– В этом доме не принято повышать голос. Особенно тем, кто пока не понимает, где находится.

Мне хотелось ответить что-нибудь резкое. Очень хотелось. Но я промолчала. Не потому, что испугалась. Потому что впервые поняла: этот человек не собирается объяснять мне правила. Он просто будет ждать, пока я нарушу их. И ждать умеет лучше, чем я умею злиться.

Когда Леонард вывел меня из кабинета, я обернулась. Адриан всё ещё стоял у окна. Спина прямая. Руки спокойны. Он мог быть хозяином, мог быть тюремщиком, мог быть кем-то третьим, для кого оба слова слишком мелкие. Он не смотрел на меня. Но перед тем как дверь закрылась, я услышала его голос – всё тот же ровный, пугающе вежливый:

– И ещё, Леонард.

– Да, господин?

– Не позволяй ей приближаться к западному крылу.

В ответ Леонард коротко кивнул. Истинные немногословные мужланы.

Пауза. Короткая, как вдох.

– И убери из её комнаты всё, что может разбиться, - последнее, что добавил Адриан.

Я нахмурилась. Ваза. Возможно, люстра. Возможно – не вещи вовсе. Дверь закрылась мягко, без хлопка.

– Что это все значит? – спросила я.

Леонард продолжил идти по коридору. Не ускоряясь. Не замедляясь.

– Господин Вейл не любит беспорядка.

– А я, видимо, уже успела его устроить?

– Вы даже не представляете какой, мисс Морроу. – Фраза прозвучала почти мягко. И оттого ещё хуже.

Он остановился возле моей комнаты и открыл дверь. Внутри уже не было вазы. Я заметила это сразу: пустое место на комоде стало красноречивее любой угрозы.

Я вошла, но не стала сразу закрывать дверь.

– Леонард.

Мужчина поднял взгляд. Вежливый. Закрытый.

– Что?

– Почему он назвал меня Элена?

На этот раз его спокойствие дало трещину. Всего на секунду. Но я ее заметила. Он посмотрел на меня так, словно я только что произнесла что-то, чего не должна была знать. Или чего в этом доме не произносят вслух даже те, кто знает больше.

– Я бы на вашем месте не задавалась этим вопросом.

– Почему?

Леонард опустил глаза. Не из стыда. Из осторожности.

– Потому что некоторые имена лучше оставить в прошлом.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Тихий, аккуратный, окончательный. И я осталась одна.

День тянулся странно. Без телефона время потеряло края. Я ходила от окна к двери, считала шаги, слушала дом. Где-то далеко скрипнула половица. Где-то – совсем иначе, глуше – закрылась другая дверь. Запад? Я не знала, где запад в этом лабиринте, и именно незнание зудело сильнее запрета.

Вечером мне принесли ужин. Не Леонард – молодая женщина в тёмном платье, которая не подняла глаз и не ответила ни на один вопрос. Поднос поставила на тумбу, кивнула и ушла. Замок щёлкнул снова. Я почти ничего не съела.

На подносе стояли тарелка с запечённым мясом, овощи и стакан воды. Всё выглядело безупречно, без специи лишней, без пятна на ткани салфетки. Аппетита не было. Есть в клетке казалось согласием.

Я сидела на краю кровати и смотрела на дверь.

Морвейн.

Так назывался этот дом. Дом, в котором меня держали против моей воли. Дом, хозяин которого знал о моём детстве больше, чем я сама, – и при этом не считал нужным объяснять, зачем ему моя память.

Я подошла к зеркалу.

На этот раз не стала искать в отражении испуганную девушку. Вместо этого внимательно рассмотрела своё лицо, словно пыталась обнаружить на нём следы чужой жизни. Другой причёски. Другого имени. Другого ребёнка, который когда-то носил тёмную ленту на запястье. Ничего. Только усталость. И глаза, которые почему-то казались мне чужими – слишком светлыми в этом золотистом полумраке, слишком похожими на те, что смотрели с портретов в коридоре. Я провела пальцами по левому запястью, нащупав тонкий шрам. Старый. Белый. Такой привычный, что я перестала его замечать годами.

– Элена, – прошептала я, – Кто же ты такая?

Слово прозвучало непривычно. Но не чуждо. Я повторила его ещё раз – тише, будто дом мог услышать. И вдруг вспомнила. Белую комнату. Запах лекарств. Резкий, сладковатый, навсегда въевшийся в нос. Маленькую ладонь, которая крепко держала мою руку. Не взрослую. Детскую. Упрямую. А потом чей-то шёпот – близко, почти в самое ухо, так, чтобы не услышали те, кто ходил за дверью в белом:

«Если однажды ты забудешь своё имя, не позволяй им выбрать за тебя новое».

Я резко отдёрнула руку. В зеркале я увидела своё отражение. И на мгновение мне показалось, что оно улыбнулось. Хотя я сама этого не делала. За окном сад уже тонул в синеве. Чёрные розы стали пятнами без контура. Лес стоял стеной.

Где-то в доме, далеко – или недалеко, здесь расстояния врали, – тихо закрылась ещё одна дверь. Я легла, не гася свет у изголовья. Свет казался тонкой защитой, почти детской. Я смотрела в потолок с лепниной и повторяла про себя два имени, пока они не начали путаться. Эвелин. Элена. Одно из них, возможно, было настоящим. И я уже не была уверена, какое именно мне нельзя отдавать этому дому.

Глава 4

«В любой клетке есть правила. Самые жестокие
из них – те, которые заставляют узника поверить, что за пределами решётки его
ждёт нечто худшее».
Из дневника неизвестной пациентки клиники "Святой Агнессы".

Утро в Морвейне начиналось слишком тихо. Не городская тишина, которую можно принять за передышку между сигналами машин и чужими голосами, а другая – плотная, почти вещественная. Ни шагов за стеной соседней квартиры, ни лифта, ни далёкого гула дороги. Только ветер, шарящий по стеклу, да редкие, размеренные шаги где-то в глубине дома, словно сам особняк дышал медленно и не собирался никуда спешить.

Я проснулась раньше, чем открыла глаза. Всю ночь спала чутко, прислушиваясь к каждому шороху. Несколько раз казалось, что кто-то останавливался за дверью: пауза слишком длинная для случайного прохода, дыхание – или то, что я приняла за дыхание, – слишком близко. Когда я поднималась и проверяла, коридор оставался пустым. Лампы горели ровно. Ковровая дорожка лежала безупречно. Ни тени, ни следа. На этот раз за дверью действительно кто-то стоял. Негромкий стук. Три коротких удара, без спешки.

– Мисс Морроу?

– Что? – Я села на кровати. Простыня была холодной у края, как будто комнату проветривали, пока я спала.

– Завтрак будет подан через пятнадцать минут. – Голос принадлежал женщине. Спокойный, немного хрипловатый, без угодливости и без тепла. Голос человека, который произносит одно и то же каждое утро и не ждёт, что ответ изменит расписание.

– Я не голодна.

– Господин Вейл просил передать, что будет ждать вас в столовой.

Я посмотрела на дверь. Дерево было тёмным, тяжёлым, с новой латунной ручкой, которая не сочеталась со старым полотном.

– А если я не приду?

Короткая пауза. Не растерянность – расчёт.

– Тогда завтрак принесут вам в комнату.

Я усмехнулась.

– Какое великодушие.

Женщина ничего не ответила. Удаляющиеся шаги растворились в ковре так быстро, будто её и не было.

Я опустила ноги на пол и несколько секунд сидела неподвижно. Паркет был холодным. Вчерашний разговор с Адрианом не отпускал: его спокойствие раздражало больше любой угрозы. Ещё сильнее раздражало то, что он знал о клинике Святой Агнессы и связывал меня с пожаром двенадцатилетней давности так уверенно, словно держал в руках не догадку, а документ.

Но хуже всего было имя.

Элена.

Я подошла к зеркалу. Свет падал сбоку, и лицо казалось чуть чужим – не искажённым, просто не до конца моим.

– Кто ты такая? – спросила я в очередной раз в свое отражение.

Отражение, разумеется, не ответило.

Сегодня мне предстояло выяснить хотя бы одно: насколько далеко простирается власть Адриана Вейла и есть ли у этого дома слабые места. Не героический побег из фильма. Сначала – карта. Люди. Привычки. Двери, которые открывают, и двери, которые обходят. Потому что я собиралась отсюда выбраться. И чем раньше, тем лучше.

Столовую я нашла не сразу. Коридоры Морвейна были устроены так, словно архитектор нарочно хотел запутать каждого, кто впервые попадал внутрь: одинаковые ниши, одинаковые рамы, повороты, которые обещали выход и возвращали к лестнице. Портреты смотрели слишком внимательно. Часы в одном из пролётов отставали – или мне так показалось.

Когда я вошла, за длинным столом уже сидел Адриан. Чёрная рубашка, рукава закатанны. Волосы свободно лежали на плечах. Перед ним – чашка кофе и раскрытая газета, словно это был самый обыкновенный вторник в самом обыкновенном доме. Он поднял глаза не сразу, дав мне секунду постоять в дверях, как гостье, которую впускают по расписанию.

– Доброе утро, – спокойно сказал он.

– Не уверена, что оно доброе.

– Это зависит от того, с чем сравнивать.

Я остановилась возле свободного стула.

– Вы всегда завтракаете в такой компании?

– Обычно я завтракаю один.

– Тогда вам повезло. Сегодня у вас появилась возможность разнообразить утро.

Адриан едва заметно улыбнулся. Не тепло. Скорее так, будто моя попытка съязвить подтвердила какую-то его мысль – и мысль эта его не удивила.

Я села напротив. На столе стояли фрукты, свежая выпечка, сыр, несколько блюд с горячей едой. Всё выглядело настолько аккуратно, что мне стало не по себе: красота здесь была не гостеприимством, а дисциплиной.

– Вы не боитесь, что я отравлю вашу еду? – спросила я.

– Вы не похожи на человека, который стал бы тратить яд на завтрак.

– А вы, похоже, слишком высокого мнения о моих кулинарных способностях.

Он отложил газету. Сгиб вышел идеально ровным.

– Вы плохо спали?

– Представьте себе. Не каждый день просыпаешься в доме незнакомца в роли пленницы.

– Вы уже знаете моё имя.

– Это не делает нас друзьями.

– Я и не предлагал дружбу.

Я взяла чашку с кофе. Аромат был дорогим, почти обидным в своей правильности.

– Тогда давайте сразу к делу. Я хочу домой.

– Нет, – слово прозвучало так же спокойно, как просьба не ставить мокрый стакан на полированное дерево.

– Вы не устали повторять одно и то же?

– Нет.

Я поставила чашку и взмолилась всем богам, чтобы не двинуть ему по роже.

– Почему я здесь?

Адриан смотрел на меня так, словно отмерял не правду, а дозировку.

– Потому что ваше прошлое связано с моей семьёй.

– Я не знаю вашу семью.

– Вы ошибаетесь.

– Тогда объясните.

– Не сейчас.

Я невольно рассмеялась.

– Вы серьёзно? Вы похитили меня, заперли в своём доме, говорите загадками и ещё выбираете, когда мне позволено задавать вопросы?

– Вы можете задавать любые вопросы, Эвелин.

– Но не получите ответов?

– Теперь вы начинаете понимать.

– Вы отвратительный человек, – раздражение поднялось к горлу, горячее и бесполезное.

– Мне говорили.

Он спокойно вернулся к завтраку. Именно это – отсутствие театра, отсутствие угрозы, привычка обращаться с чужой жизнью как с пунктом внутреннего распорядка – окончательно вывело меня из себя.

Вот ублюдок!

После завтрака Адриан попросил Леонарда проводить меня по дому.

Слово «попросил» здесь означало то же, что «приказал», только произнесённое тоном администратора гостиницы. Леонард появился через несколько минут, будто стоял за дверью ровно столько, сколько требовалось, чтобы не выглядеть подслушивающим.

– Мисс Морроу.

– Вы всегда так вовремя?

– Только когда это необходимо.

– Как удобно.

Он проигнорировал замечание так вежливо, что это само по себе было ответом.

– Если вы готовы, можем начинать.

Я поднялась.

– С удовольствием. Мне не терпится узнать, в какой именно части вашей тюрьмы я нахожусь.

– Морвейн не тюрьма.

– Разумеется. В тюрьмах обычно не бывает таких красивых люстр.

Леонард посмотрел на меня. Взгляд был ровный, почти человеческий – и оттого опаснее.

– Вы быстро учитесь.

– Чему именно?

– Не доверять словам.

Я хотела уточнить, но он уже направился к выходу. Пришлось идти следом: в этом доме инициативу изображали как услугу. Экскурсия началась с первого этажа.

Библиотека оказалась самой большой комнатой, которую я когда-либо видела. Шкафы тянулись почти до потолка, вдоль стен стояли лестницы на колёсиках, в центре – кожаные кресла и массивный письменный стол, на котором не было ни одной лишней бумаги. Воздух пах пылью, воском и чем-то сухим, старым. Я невольно задержалась у полок.

– Здесь собрана большая коллекция?

– Семейная библиотека. Некоторые книги существуют в единственном экземпляре.

Я провела пальцами по корешку. Кожа была тёплой на ощупь, как живая.

– Можно ими пользоваться?

– Если господин Вейл не возражает.

Я убрала руку.

– Конечно. Даже книги здесь принадлежат ему.

– В этом доме многое принадлежит господину Вейлу.

Ни гордости, ни осуждения. Констатация, отточенная годами.

Дальше мы прошли через небольшую гостиную, музыкальный зал и зимний сад. Гостиная была для гостей, которых сюда, кажется, не ждали. В музыкальном зале стоял рояль под чехлом: чёрный, молчаливый, словно инструмент тоже знал правила и предпочитал не нарушать тишину.

Зимний сад оказался особенно красивым – и особенно фальшивым в своей безмятежности. Стеклянный потолок пропускал тусклый дневной свет. Вдоль стен росли высокие растения, посреди помещения бил маленький фонтан. Воздух был влажным, пах землёй и цветами, и на секунду можно было поверить, что за стеклом – свобода, а не ещё одна декорация.

Я остановилась возле стеклянной двери. За ней виднелась часть сада с чёрными розами.

– Можно выйти туда?

– Нет.

Снова тот же тон: не запрет палача, а пункт из памятки для постояльцев.

– Почему?

– Эта территория закрыта для посетителей.

– Я не посетитель. Я пленница.

Леонард посмотрел на меня.

– Не думаю, что господин Вейл оценит подобную формулировку.

– А мне совершенно плевать, что он оценит, – спокойно ответила я.

Мы продолжили путь. Я запоминала: сколько шагов от зимнего сада до лестницы, где окно смотрит во двор, где коридор сужается. Морвейн не был лабиринтом в сказке. Он был клеткой, спроектированной человеком, который понимал, что красивые стены держат лучше решёток.

В конце коридора находилась ещё одна лестница. Она вела наверх, к длинному проходу с высокими окнами. Леонард обошёл одну из дверей, даже не взглянув на неё. На табличке не было номера. Только небольшая металлическая пластина с выгравированной буквой «W».

– Что находится там?

– Западное крыло.

– И?

– Оно закрыто.

– Почему?

– Потому что таково распоряжение господина Вейла.

Я посмотрела на дверь. Старая древесина, потемневшая ручка, новый замок. Слишком новый для такой старой двери. Слишком старательный, чтобы быть простой предосторожностью.

– Что там?

– Ничего, что вас касается.

– Вы удивительно разговорчивы.

– Я уже говорил, что стараюсь не утомлять гостей лишними подробностями.

– Вы оба просто невыносимы, – я усмехнулась своему замечанию.

К полудню я знала о Морвейне гораздо больше, чем утром. И одновременно понимала, что почти ничего не знаю.

В доме было множество помещений, но некоторые двери оставались запертыми без табличек, словно отсутствие названия само по себе было охраной. Сад окружала высокая ограда. Главный вход сторожили двое мужчин, которых я видела только издалека: не форма, не грубость – тихая компетентность. Ворота открывались с пульта. На окнах первого этажа стояли незаметные металлические фиксаторы. Камеры я не увидела сразу, но к полудню научилась искать не сами устройства, а углы, которые слишком удобны для наблюдения.

Морвейн был красивым. И совершенно непригодным для побега – пока его не изучишь как следует. Когда мы вернулись к моей комнате, Леонард остановился у двери. Руки за спиной. Голос ровный, будто он зачитывал правила проживания, а не условия несвободы.

– Господин Вейл просил передать вам несколько правил.

– Как трогательно и даже мило с его стороны.

– Первое. Вы не покидаете территорию поместья без разрешения. Второе. Западное крыло закрыто для вас. Третье. Вы не должны пытаться связываться с внешним миром через сотрудников дома.

– А если попытаюсь? – я посмотрела на мужчину с вызовом.

– Это будет расценено как нарушение договорённостей.

– Каких ещё договорённостей? Я ничего не подписывала.

Леонард слегка наклонил голову.

– Тогда считайте это предупреждением.

Предупреждением, произнесённым так, будто речь шла о часах тишины и запрете курить на балконе.

– Четвёртое правило будет?

Он выдержал паузу. Не для эффекта – для точности.

– Не пытайтесь обмануть господина Вейла, – я рассмеялась. На этот раз совершенно искренне.

– И это говорит человек, который работает на того, кто держит меня взаперти?

Леонард не изменился в лице.

– Именно поэтому я и говорю. – Он развернулся.

– Подождите. – Мужчина остановился. – А если я нарушу все четыре правила?

Он посмотрел на меня через плечо. В глазах не было злости. Была усталость человека, который видел, чем заканчиваются чужие «а если».

– Тогда вам придётся познакомиться с последствиями.

Дверь закрылась мягко. Замок щёлкнул без драмы. Я снова осталась одна.

Весь день я провела в комнате – не из покорности, а потому что сначала нужно было понять границы клетки изнутри. Сначала пыталась открыть окно: рама поддалась на дюйм и упёрлась в фиксатор. Потом проверила замок на двери: снаружи он слушался ключа, изнутри изображал вежливость. Затем осмотрела каждый угол: под кроватью, за зеркалом, в ящиках, в подкладке штор – в надежде найти телефон, записку, хотя бы трещину в этой идеальной постановке.

Ничего.

К вечеру я устала настолько, что даже злиться стало тяжело. Злость требует топлива. Здесь топливо отмеряли аккуратно: еда вовремя, тишина вовремя, внимание – только когда его хотят оказать.

На тумбочке лежала новая одежда. Несколько платьев, свитера, нижнее бельё, домашняя обувь. Всё было моего размера. Не приблизительно – точно. Я долго смотрела на вещи. Ткань была мягкой, новой, без ценников. Кто выбирал это? Кто знал размер, длину рукава, то, что я ненавижу слишком высокий ворот?

И почему у меня возникло ощущение, что комнату готовили не вчера, а заранее – как номер для гостьи, чей приезд давно стоял в календаре?

Я подошла к зеркалу и сняла свитер. На внутренней стороне левого запястья снова оказался заметен тонкий шрам. Белёсый, почти стёртый временем, но упрямый. Я коснулась его пальцами. Воспоминание пришло внезапно, без вежливости. Маленькая рука. Белая повязка. Женский голос, тихий и твёрдый:

– Не трогай, Элена. Иначе снова будет больно.

Я отшатнулась от зеркала. Дыхание сбилось. Имя прозвучало в голове отчётливее, чем ночью, чем вчера, чем во всех обрывках, которые я пыталась списать на сон.

Элена.

Я закрыла глаза, пытаясь удержать картинку. Белая ткань. Запах спирта. Чей-то пальто у двери. Но воспоминание рассыпалось, словно песок между пальцами: чем крепче сжима-

ешь, тем быстрее теряешь. Когда я снова посмотрела на отражение, лицо казалось совершенно обычным. Только теперь я не была уверена, что узнаю его.

Ужин мне принесли в комнату. Та же женщина не вошла – только оставила поднос и исчезла, соблюдая дистанцию, которую здесь называли уважением. На подносе стояли тарелка с супом, хлеб и стакан воды. Рядом лежала небольшая карточка.

Я развернула её. Несколько слов ровным почерком:

«Надеюсь, вы начали привыкать к Морвейну.

А. Вейл».

Я скомкала карточку.

– Самодовольный ублюдок.

Суп оказался вкусным. Это раздражало ещё сильнее. Трудно ненавидеть место, которое кормит тебя так, будто заботится. В этом и была жестокость правил: они не ломали сразу. Они приучали.

Я почти закончила ужин, когда за дверью раздались шаги. На этот раз никто не постучал. Замок щёлкнул, и в комнату вошёл Адриан – так спокойно, словно стук был излишеством, которое он себе не должен. Я резко поднялась.

– Вы не слышали, что перед входом в комнату обычно стучат?

– Слышал.

– Тогда почему не стучите?

– Потому что это мой дом.

Он остановился возле двери. Тёмная рубашка, ворот расстёгнут. Волосы свободно спадали на плечи. При свете настенных ламп шрам на подбородке казался ещё заметнее – не украшением, а напоминанием, что его спокойствие когда-то уже ломали.

– Как вам Морвейн?

– Прекрасно. Особенно запертые двери.

– Вы познакомились с правилами?

– Да. У вас удивительно богатая фантазия.

– Они несложные.

– Для человека, который не может покинуть собственную комнату, возможно.

Адриан перевёл взгляд на поднос.

– Вы поели.

– Не хотела обижать повара.

– Разумно.

Я скрестила руки на груди.

– Зачем вы пришли?

Он помолчал, затем подошёл к окну и посмотрел на сад. Чёрные розы внизу казались пятнами туши на зелени.

– Вы сегодня интересовались западным крылом.

Я напряглась.

– А вы сегодня следили за мной?

– В этом доме никто не делает ничего, о чём я не узнаю.

– Как удобно быть богом в собственном маленьком королевстве. – Он повернул голову ко мне.

– Не путайте власть с всеведением, Эвелин.

– А вы не путайте пленницу с человеком, который добровольно согласился играть по вашим правилам, – Адриан посмотрел на меня долгим взглядом. Не оценивающим тело – оценивающим совпадение.

– Вы очень напоминаете мне одну девочку.

В комнате стало тихо. Даже фонтан в зимнем саду, казалось, замолчал за несколько коридоров отсюда.

– Какую?

Он не ответил сразу.

– Ту, которая никогда не умела вовремя останавливаться.

– Может быть, она просто не любила, когда ей указывали, что делать.

На его лице появилось едва заметное выражение – не улыбка, не боль, что-то между ними, слишком личное для чужого дома.

– Возможно.

Я сделала шаг вперёд.

– Вы знали меня раньше?

Адриан не отвёл взгляда.

– Да.

Одно слово. Я почувствовала, как внутри всё сжалось – не от страха, от узнавания пустоты, которую это «да» внезапно очертило.

– Когда?

– Давно.

– Где?

– В месте, которое вы не помните.

Я пыталась найти в его лице подсказку и находила только контроль.

– В клинике Святой Агнессы?

Он не ответил. Молчание оказалось красноречивее любых слов: не подтверждение для суда, подтверждение для меня.

– Я была там?

Адриан медленно направился к двери.

– Спокойной ночи, Эвелин.

– Не смейте уходить!

Он остановился.

– Что?

– Вы не можете бросать мне обрывки и ждать, что я буду молчать.

– Я ничего от вас не ожидаю.

– Тогда зачем вы меня здесь держите?

Он повернулся. На этот раз взгляд был совершенно холодным – не ярость, а пепел.

– Потому что двенадцать лет назад в одной комнате сгорела моя жизнь. И вы – единственный человек, который может объяснить мне, почему.

Я не успела ответить.

Он вышел. Дверь закрылась. Замок щёлкнул мягко, почти вежливо, как в хорошей гостинице, где ночь начинается по правилам, а не по желанию гостя.

Я осталась посреди комнаты, чувствуя, как каждое его слово медленно оседает внутри. Двенадцать лет назад. Клиника. Девочка в светлом платье. Элена. И теперь – Адриан Вейл, который почему-то был уверен, что я знаю ответы, которых у меня нет – или которые кто-то когда-то очень старательно из меня вынул.

Я подошла к окну. В саду горели несколько фонарей. Их свет падал на чёрные розы, превращая лепестки в тёмные пятна. И тогда я заметила кое-что ещё. В дальнем конце сада, возле высокой каменной стены, стоял человек. Он смотрел прямо на моё окно. Не охранник у ворот. Не садовник. Фигура слишком неподвижная, слишком намеренная. Я отступила. Когда снова выглянула, его уже не было. Только гравий, розы и стена, которая умела хранить чужие следы лучше людей. Но на стекле, прямо напротив моего лица, обнаружился небольшой след. Будто кто-то недавно касался его ладонью – снаружи, с той стороны, куда мне нельзя. Я медленно

подняла руку и приложила пальцы к холодной поверхности. Моя ладонь не совпала полностью. Чужой отпечаток был чуть шире.

И вдруг я поняла одну простую вещь. Адриан Вейл мог запрещать мне выходить из дома. Мог забирать вещи, ограничивать передвижение и решать, когда мне позволено есть и спать. Мог называть это правилами, сервисом, заботой, необходимостью. Но он не мог заставить меня перестать задавать вопросы.

Значит, я начну искать ответы сама. Сначала – дом. Потом – людей, которые в нём живут и делают вид, что только работают. Леонарда, который говорит меньше, чем знает. Женщину с хриплым голосом. Тех двоих у ворот. Того, кто стоял в саду и смотрел на моё окно так, будто ждал не побега, а узнавания.

Даже если ради этого придётся открыть каждую запертую дверь Морвейна. Особенно ту, что находится в западном крыле.

Глава 5

«Некоторые
люди умеют хранить секреты годами. Другие становятся этими секретами. Но
страшнее всего те, кто помнит тебя настоящую, когда ты сама давно забыла своё
лицо».
Из дневника неизвестной пациентки клиники "Святой Агнессы".

Я проснулась от ощущения, что за мной наблюдают. Не от звука. Не от прикосновения. Просто открыла глаза – и сразу поняла: в комнате кто-то есть. Воздух был чужой. Слишком неподвижный. Слишком чужой для того, чтобы принадлежать только мне. На мгновение я перестала дышать. Потом медленно повернула голову. У окна стояла женщина. Я едва не вскрикнула.

– Господи! Вы не могли постучать?

Женщина обернулась. На вид ей было около пятидесяти. Тёмные волосы собраны в аккуратный пучок, на плечах – строгий серый кардиган. Лицо совершенно спокойное, почти бесстрастное. Такое лицо не пугается чужого крика. Такое лицо привыкло, что чужой крик – часть распорядка.

– Простите, мисс Морроу. Я не хотела вас напугать.

– Тогда у меня для вас плохие новости. Получилось.

Она слегка склонила голову – жест вежливый и совершенно пустой.

– Меня зовут Элис. Я отвечаю за порядок в жилых комнатах.

Я села на кровати, пытаясь собрать мысли. Сердце ещё стучало слишком громко, словно пыталось выдать меня раньше, чем я сама успею понять, чего боюсь.

– И вы всегда входите к людям без разрешения?

– Только по распоряжению господина Вейла.

Конечно. Разумеется. А уже и забыть успела.

В этом доме даже утреннее пробуждение требовало согласования с его хозяином. Даже воздух здесь казался заранее распределённым.

– Прекрасно. А господин Вейл распоряжается ещё и тем, когда мне можно дышать?

На это Элис ничего не ответила. Она поставила на стол поднос с завтраком и поправила складку на покрывале. Движения были точными, почти хирургическими. Ни одной лишней складки. Ни одного лишнего взгляда.

– Господин Вейл просил передать, что сегодня ожидает вас в кабинете после одиннадцати.

– А если я не приду?

– Думаю, он найдёт способ напомнить вам о встрече.

– Вы все здесь разговариваете одинаково? Словно каждое предложение проходит предварительное согласование? – я посмотрела на неё с плохо скрываемым раздражением.

На этот раз женщина едва заметно улыбнулась. Улыбка не дошла до глаз.

– Возможно, это привычка, – женщина направилась к двери.

– Элис, вы давно здесь работаете?

– Более двадцати лет.

– Тогда вы знали меня?

Её пальцы на мгновение замерли на дверной ручке. Ненадолго. Ровно настолько, чтобы я это увидела.

– Нет, мисс Морроу, – ее ответ прозвучал слишком быстро.

– Уверены? – я прищурилась.

Элис повернулась ко мне. Взгляд прямой, ровный, почти вежливый. Ключевое слово «почти».

– Уверена, – коротко ответила она и вышла.

Я смотрела на закрывшуюся дверь дольше, чем следовало. В Морвейне никто не умел нормально отвечать на вопросы. Здесь ложью становилась даже правда, если её произносили слишком ровно. И чем больше я общалась с людьми из этого дома, тем сильнее убеждалась: они не просто выполняют приказы Адриана. Они все что-то знают. Знают и молчат так, словно молчание здесь тоже входит в должностные обязанности. Вопрос заключался лишь в том, что именно они прячут – и от кого: от меня или от себя.

До одиннадцати оставалось почти два часа. Я решила использовать их с пользой. После вчерашнего разговора с Адрианом меня не оставляла мысль о западном крыле. Он запретил мне туда входить – а значит, именно там могло находиться то, чего мне не следовало видеть. Запрет в этом доме никогда не был случайностью. Запрет здесь был картой. Но прежде, чем искать закрытые двери, стоило понять, что вообще есть в Морвейне. Дом слишком большой, чтобы быть просто жилищем. Он больше походил на архив, который научился притворяться особняком.

Я начала с библиотеки. Вчера Леонард сказал, что некоторые книги существуют в единственном экземпляре. Возможно, там хранились семейные документы, старые фотографии или что-нибудь, связанное с клиникой. Возможно, там хранилось то, что Адриан не решился бы оставить у себя на виду – и всё же не смог уничтожить. Я спустилась по лестнице, стараясь не шуметь. Каждый шаг казался слишком громким. В Морвейне тишина была не отсутствием звука, а присутствием чужого внимания.

Библиотека встретила меня запахом старой бумаги и древесины. Воздух был сухим, почти музейным. Свет падал сквозь высокие окна косыми полосами, и пыль в нём двигалась медленно, словно тоже соблюдала какой-то внутренний порядок. Я прошла вдоль стеллажей, рассматривая корешки. Большинство изданий относилось к истории Вальдории, семейным хроникам и искусству. На нескольких полках стояли медицинские справочники – слишком много для дома, в котором никто, по словам хозяина, не занимался медициной.

Я вытащила один. Пыль. Ещё один. То же самое. Похоже, медицинская литература здесь давно никого не интересовала. Или, наоборот, интересовала слишком сильно – и потому её перестали трогать. Я уже собиралась поставить книгу обратно, когда заметила небольшой шкафчик за письменным столом. Он был закрыт. Ключа в замке не оказалось. Я попробовала потянуть дверцу. Не поддалась.

–Ну да, чего ты еще ожидала, Эвелин.

Я обошла стол. На его поверхности лежала небольшая стопка бумаг. Большинство были обычными счетами и письмами, но среди них обнаружился старый конверт. Бумага пожелтела по краям. Фамилия на нём была написана твёрдым, почти официальным почерком. Вейл. Я осторожно достала содержимое. Несколько семейных снимков, сделанных, судя по всему, много лет назад. Цвета выцвели, но лица ещё держались. Лица всегда держатся дольше, чем то, что с ними потом делают. На первом изображалась молодая женщина с длинными светлыми волосами. Рядом стоял мужчина, лицо которого я не смогла сразу рассмотреть: свет падал так, что черты растворялись в тени. На втором – мальчик лет десяти с холодными серыми глазами. Я замерла. Эти глаза. Не цвет. Не форма. Присутствие. То самое ощущение, будто тебя уже оценили – и вывод сделан без твоего участия. Я перевернула фотографию. На обратной стороне была подпись:

«Адриан. 1994 год».

Я снова посмотрела на мальчика. Значит, он был таким и в детстве. Уже тогда в нём не было ничего детского. Только теперь его лицо стало старше, резче, а взгляд – гораздо тяжелее. Словно годы не изменили его, а лишь подтвердили то, что было заложено заранее. Я положила фотографию обратно. И тут заметила ещё один снимок. На нём была девочка. Светлое платье. Тёмные волосы. Тонкая лента на запястье. Я перестала дышать. Это была она. Та самая девочка из клиники. Но теперь фотография была гораздо чётче. Не размытый кадр из чужой памяти. Не обрывок сна. Лицо. Настоящее лицо. Я осторожно перевернула снимок. На обратной стороне стояла дата.

2004 год.

А ниже – два имени.

Серафина и Элена.

Я медленно опустилась на стул.

Элена.

Не Эвелин. Не Морроу.

Элена.

И рядом с ней – Серафина.

Я не знала, кто она такая. Но имя отозвалось внутри странным, почти физическим узнаванием – не как воспоминание, а как след от него. Как запах, который ты не можешь назвать, но точно знаешь, что уже вдыхала его когда-то. Я провела пальцами по краю фотографии. На снимке девочки держались за руки. Одна улыбалась. Вторая смотрела в сторону, словно заметила кого-то за кадром. Именно в этот момент я услышала голос за спиной:

– Я бы не советовал вам трогать семейные фотографии.

Я резко обернулась. В дверях стоял Адриан. Он не выглядел удивлённым. Ни злости, ни раздражения. Только привычное спокойствие человека, который заранее знал, где именно меня найдёт. Спокойствие человека, который не ищет – а подтверждает. Я быстро положила фотографию на стол.

– Я просто смотрела.

– Конечно.

– Здесь нет таблички, запрещающей трогать книги и фотографии.

– Это не общественная библиотека.

Я поднялась.

– Тогда, возможно, стоит повесить предупреждение.

Адриан прошёл в комнату. Его шаги были почти бесшумными. Он двигался так, словно пространство само уступало ему дорогу.

– Что вы нашли?

– Ничего.

Он остановился возле стола.

– Эвелин.

Мне не понравилось, как он произнёс моё имя. Не громко. Не угрожающе. Просто так, словно терпение у него было ограничено – и я уже приблизилась к этой границе ближе, чем следовало.

Я посмотрела на фотографию.

– Кто такая Серафина?

Мужчина замер. Совсем ненадолго. Но я заметила. Его пальцы коснулись края стола. Едва заметно. Почти случайно. И именно поэтому это было важно: Адриан Вейл не делал случайных жестов.

– Где вы увидели это имя?

– На фотографии.

– Какой именно?

Я указала на снимок. Он аккуратно взял его. Несколько секунд молча смотрел на изображение. Я впервые увидела, как меняется его лицо. Не сильно. Только взгляд стал тяжелее, а челюсть заметно напряглась. Словно внутри него что-то сдвинулось – и он усилием воли вернул это на место.

– Это моя сестра.

Я посмотрела на фотографию.

– Она красивая.

Адриан ничего не ответил. Тишина между нами стала плотной, почти осязаемой.

– Где она сейчас?

Он перевернул снимок и положил его обратно.

– Мертва, - отстраненно произнес он.

Слово прозвучало сухо. Без траура. Без паузы, которую обычно оставляют живым. Он произнёс его так, словно это был диагноз, а не потеря. Я не стала сразу задавать следующий вопрос. В его голосе было что-то такое, что заставило меня впервые за всё время замолчать. Не жалость. Не страх. Что-то более опасное: ощущение, что за этим словом стоит комната, в которую он никого не пускает – даже себя.

– Мне жаль, – произнесла я.

– Не стоит.

– Почему?

– Вы не обязаны сожалеть о том, чего не помните, – он поднял на меня свои глаза.

– Что это значит? – я нахмурилась

Адриан сделал шаг ближе. Недостаточно близко, чтобы коснуться. Достаточно близко, чтобы воздух между нами перестал быть нейтральным.

– Посмотрите на фотографию внимательнее.

Я снова взяла снимок.

– Что именно я должна увидеть?

– Себя.

Я посмотрела на девочек. Сначала на одну. Потом на другую. Потом снова на одну. И почувствовала, как внутри всё медленно проваливается. Девочка в светлом платье. Тёмные волосы. Лента на запястье. Я узнала её. Но не себя. Узнала, как чужой сон. Как кадр, который показывали слишком часто, чтобы он стал правдой, но недостаточно ясно, чтобы стать воспоминанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.